

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция
(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовно-правовой
(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Уголовная ответственность за простое убийство»

Студент

Ю.Д. Колпикова
(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

А.В. Мурузиди

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020

Росдистант
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

Аннотация

Работа посвящена исследованию уголовной ответственности умышленного причинения смерти другому человеку (простое убийство), проблемы которого являются сложной комплексной нормативной конструкцией, вызывающей ряд теоретических и практических проблем в правоприменительной практике.

Структурно работа состоит из введения, трех глав, первая глава самостоятельная, без разбивки на параграфы, вторая и третья главы включают четыре параграфа, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Введение посвящено обоснованию актуальности, выбранной для выпускной квалификационной работы темы, определению целей и задач, объекта и предмета исследования.

В первой главе раскрываются историко-теоретические проблемы уголовной ответственности за умышленное причинение смерти другому человеку.

Во второй главе рассматриваются парадигмы уголовно-правовой характеристики простого убийства, объективные и субъективные признаки умышленного причинения смерти другому человеку .

Третья глава посвящена изучению квалификации простого убийства и назначения наказания за его совершение, отграничение простого убийства от смежных составов причинения смерти другому человеку, затрагиваются аспекты регламентации уголовно-правовых санкций за простое убийство.

Заключение предполагает краткое подведение итогов выпускной квалификационной работы.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Историко-теоретические проблемы уголовной ответственности за умышленное причинение смерти другому человеку	7
Глава 2 Парадигмы уголовно-правовой характеристики простого убийства.	14
2.1 Объективные признаки умышленного причинения смерти другому человеку.....	14
2.2 Субъективные признаки умышленного причинения смерти другому человеку.....	22
Глава 3 Квалификация простого убийства и проблемы назначения наказания за его совершение.....	33
3.1 Отграничение простого убийства от смежных составов причинения смерти другому человеку	33
3.2 Аспекты регламентации уголовно-правовых санкций за простое убийство	39
Заключение	44
Список используемой литературы и используемых источников.....	46

Введение

Актуальность темы исследования. Конституция РФ закрепила в качестве основы отечественного конституционного строя, а потому и основы всей практики государственного и общественного строительства то, что в нашей стране одной из первоочередных обязанностей государства является признание, соблюдение, а также всевозможными средствами защита прав, свобод человека и гражданина [11]. Рассматривая санкции данных норм, можно увидеть, что статья об убийстве является самой сурово наказуемой из всех норм данной главы, а также практически самой строгой из числа предусмотренных Кодексом уголовно-правовых статей. Несмотря на это, количество убийств в нашей стране продолжает оставаться на высоком уровне, а люди порой предпочитают решать свои проблемы посредством физического устранения неугодного человека. Это свидетельствует о том, что норма об убийстве должна вновь оказаться в сфере внимания научных кругов для определения возможностей по ее совершенствованию.

Основу противодействия данному негативному социальному явлению формирует именно уголовно-правовой запрет, а потому для того, чтобы качественно противостоять фактам совершения убийств и предупреждать их совершение уголовно-правовыми мерами, требуется глубокое научное исследование нормы ст. 105 УК РФ, а также на основе анализа практики ее применения судами России предложение мер и мероприятий, направленных на повышение качества правового регулирования в данной сфере общественных отношений.

Степень научной разработанности темы исследования. В разное время убийство становилось предметом исследований таких отечественных правоведов, как А.Я. Азаров, А.Г. Бережнов, С.В. Бородин, Н.В. Витрук, Л.Д. Воеводин, Ю.А. Дмитриев, О.Н. Коршунова, Г.В. Овчинникова, О.Ю. Резепкин и многие другие. Большой вклад в разработку темы уголовно-правовой защиты жизни внесли Ю.Н. Аргунова, А.С. Горелик,

И.А. Журавлев, В.С. Комиссаров, Л.Л. Кругликов, В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Лапупина, Л.В. Лобанова, Т.Н. Нуркаева, А.И. Рарог, Е.В. Тюрюканова, И.М. Тяжкова, Б.В. Яцеленко, а также другие ученые.

Объектом исследования являются общественные отношения, регулирующие вопросы уголовно-правовой характеристики умышленного причинения смерти другому человеку (простое убийство).

Предметом исследования выступает уголовная ответственность за умышленное причинение смерти другому человеку (простое убийство).

Цель и задачи исследования. Комплексное исследование уголовно-правовой регламентации умышленного причинения смерти другому человеку.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие основные задачи:

- охарактеризовать вопросы уголовно-правовой охраны жизни в отечественном, а также зарубежном законодательстве;
- исследовать признаки объекта и объективной стороны состава убийства;
- рассмотреть признаки субъекта и субъективной стороны состава убийства;
- проанализировать вопросы отграничения простого убийства от смежных составов умышленного причинения смерти другому человеку;
- рассмотреть вопросы регламентации уголовно-правового законодательства, регламентирующего установление уголовного запрета на убийство.

Методология и методика исследования. Для достижения поставленной цели исследования и решения его задач использован ряд общенаучных и специально-научных методов, а именно: диалектический; сравнительно-правовой; формально-юридический; системно-структурный и иные методы.

Теоретическую основу исследования составили научная и учебная литература в сфере уголовного права, научные статьи в ведущих периодических изданиях, диссертационные исследования, согласно тематике исследования.

Нормативную базу исследования составили действующий Уголовный кодекс Российской Федерации, иные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы уголовной ответственности за простое убийство.

Научная новизна исследования состоит в предпринятой попытке комплексного исследования уголовной ответственности за простое убийство в теории уголовного права и проблем квалификации такого деяния.

Структуру работы определили цели и задачи настоящего исследования. Работа состоит из введения, трех глав, включающих пять параграфов, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Историко-теоретические проблемы уголовной ответственности за умышленное причинение смерти другому человеку

Уголовно-правовой запрет на убийство, как известно, содержится в российском законодательстве с самых первых дошедших до нас памятников права. Так, в частности, как можно увидеть, составы убийства обнаруживаются закрепленными всеми редакциями «Русской Правды», которые устанавливали за его совершение самые суровые санкции, не предусматривая, между тем, критериев по разграничению убийства с иными посягательствами на жизнь человека [17]. К примеру, положениями данного нормативного документа наказывалось убийство при его совершении на пиру либо в разбое. Следовательно, законодателем того времени любой факт причинения другому лицу смерти рассматривался в качестве убийства. В источниках на этот счет указывалось, что подобное решение опиралось на практику византийского правового регулирования, которое было более разработано и с позиций систематизации, и с точки зрения законодательной техники [46]. После образования Русского централизованного государства, потребовалось произвести ревизию существующего законодательства с обновлением отдельных норм для того, чтобы в едином государстве была создана основа для построения единого правового пространства. В уголовно-правовой сфере был принят Судебник 1497 г., вобравший в себя отдельные положения уставных грамот и «Русской Правды». Высокую значимость в данном вопросе также необходимо признать за «Записью о душегубстве», где содержалось определение данного явления, и перечислялись его признаки: душегубством предложено признавать случаи убийства, а также наступления смерти от несчастного случая и в результате самоубийства. Следовательно, в указанный исторический период законодатель показывает склонность к широкому толкованию убийства как всех деяний, результатом которых наступает смерть, как умышленных, так и неосторожных, как самого

убившего лица, так и других лиц. После принятия Соборного Уложения Земским собором в 1649 г., произошла дальнейшая дифференциация посягательств на жизнь человека. Сюда включались различные разновидности убийств, среди которых предусматривался состав убийства детей их родителями, а также наоборот (предусматривалась более строгая санкция). С точки зрения форм вины выделялись умышленные и неумышленные убийства. Особо отметим, что факты случайного причинения смерти в данном памятнике права были декриминализованы законодателем, в отличие от предшествовавшего законодательства, со времен «Записи о душегубстве» признававшего любые факты лишения человека жизни убийствами. Последующее реформирование связывается со временем царствования Петра I, который принял Артикул воинский, среди прочего установивший уголовно-правовую санкцию за убийство: здесь помимо разграничения по формам вины, оставшимся прежним, произведено также деление убийств на виды – простое, а также квалифицированное (о чем говорилось в артикулах 156 и 157). Указанные преступления влекли различное наказание: за простое убийство назначалось отсечение головы, а за квалифицированное производилось колесование.

В числе квалифицированных видов убийств законодатель указал наемное или корыстное убийство (арт. 161), убийство в отношении родителей, детоубийство (арт. 163), убийство отравлением (арт. 162) и некоторые иные. Заметим, что впервые данным памятником права в отечественном уголовном законе была закреплена уголовная ответственность за убийство, совершенное в ходе дуэли, которое законодатель признал квалифицированным составом. Уголовной ответственности подлежало не только лицо, которое убило своего оппонента, но также и секунданты. Еще одним интересным видом убийства признавалось самоубийство лица. По свидетельству источников, наказание приводилось в исполнение в отношении трупа, «который палач должен был отволочь в бесчестное место и закопать» [8].

Следовательно, в данном памятнике права было закреплено значительное количество разновидностей и разветвленная сеть квалифицированных составов. Следующий этап реформирования рассматриваемой сферы связывается с принятием Свода законов от 1832 г., который произвел некоторые изменения в регулировании уголовной ответственности за убийство. В частности, как можно увидеть из текста данного документа, его принятие можно назвать первой попыткой законодателя по легальному закреплению понятия убийства. В части систематизации видов убийств каких-либо нововведений не последовало: убийство традиционно разграничивалось на умышленное и неосторожное, а также на простое и с квалифицирующими признаками.

Дальнейшее развитие данная сфера получила после принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в котором законодатель ввел самостоятельный раздел, посвященный преступлениям против жизни, здоровья, а также свободы, чести частных лиц. Здесь нормы были распределены таким образом, что первое место отводилось преступлениям, посягающим на жизнь, разграниченным по двум отдельным главам: наказывающим смертоубийство и наказывающим самоубийство. Дифференциация убийств в целом повторяла предшествовавшие памятники права, за тем исключением, что кроме простых и квалифицированных убийств, отчетливо выделялись и привилегированные убийства. В качестве простого признавалось такое убийство, которое было непредумышленным, совершено без умысла, в качестве квалифицированного называлось отцеубийство и отдельные иные убийства, а в качестве привилегированного – детоубийство в отношении незаконнорожденного ребенка либо ребенка-урода. Помимо этого, законодатель признал преступным посягательства, сопряженные с доведением до самоубийства, подстрекательством к самоубийству или же пособничеством к нему (ст. 1946). Применение данного законодательного акта на практике показало его отдельные несовершенства, вызвавшие потребность разработки мероприятий по его реформированию, в

результате чего последовала разработка нового уложения. Научная работа значительного количества специалистов вылилась в принятие Уголовного уложения от 1903 г., однако, вступили в силу лишь отдельные положения данного документа, в части статей, наказывающих политические преступления. Несмотря на то, что данный документ не введен в действие в полном объеме, необходимо отметить, что в нем, аналогично с документом предшественником, для посягательств на интересы частных лиц было выбрано последнее место (гл. XXII). Хотя обращает на себя внимание более качественное построение в нем системы посягательств на личность. Таким образом, можно заметить, что в дореволюционном законодательстве уголовная ответственность за убийство была разработана достаточно подробно, предусматривая целую систему посягательств, объединенную данным общим термином.

После октябрьского переворота 1917 года, пришедшее на смену прежнему режиму, правительство отменило все законодательство, принятое в период царизма, о чем было провозглашено в тексте Декрета о суде № 1, требовавшего от правоприменителя при рассмотрении уголовных дел опираться на революционное правосознание. Переходя к характеристике УК РСФСР 1922 г., заметим, что в его тексте выделялась гл. V, регламентирующая посягательства на жизнь, здоровье, а также свободы, права и достоинство личности. Данный Кодекс выбрал первое место для посягательства на жизнь – убийство в системе данных преступлений. Текстом примечания, содержащегося в ст. 143 УК РСФСР 1922 года, закреплялось требование о ненаказуемости убийств, которые совершены по просьбе убитого [18]. Между тем, данное положение просуществовало недолго, на IV сессии ВЦИК от 11 ноября 1922 г. было принято решение данное положение из уголовного закона исключить ввиду появления информации о фактах злоупотреблений и убийств под предлогом наличия данного основания [20]. В 1926 году был принят следующий уголовный кодекс, в ст. 137 которого в случае совершения неквалифицированного

убийства предусматривалась уголовно-правовая санкция в размере до 8 лет лишения свободы. Здесь также стоит обратить внимание на норму ст. 136 данного Кодекса, которая среди признаков квалифицированного состава убийства называла его совершение по корыстным, ревностным и иным низменным побуждениям, устанавливая за такое деяние строгое наказание в виде лишения свободы до 10 лет. Следующий уголовный кодекс (от 1960 г.) не признал силу квалифицирующего обстоятельства за ревностью, в результате чего и в современный период данный мотив влечет наказание как за простое убийство [15].

К примеру, сюда были включены такие посягательства, как простое (то есть без отягчающих обстоятельств) убийство, умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами, убийство с превышением пределов необходимой обороны, убийство по неосторожности, доведение до самоубийства [2; 57].

Следовательно, можно увидеть, что за небольшими изменениями, данная система была включена в действующий сегодня УК РФ.

Что касается того места, которое отведено в нормах уголовного закона предписаниям о посягательствах на жизнь, то здесь можно увидеть, что посягательства на личность законодатель того времени разместил, в отличие от современного, после преступлений, посягающих на государственные интересы. Сегодня же, в соответствии с заложенным Конституции России приоритетом человека, главу, закрепляющую посягательства на личность, обоснованно разместили на первом месте в системе уголовных запретов. Обращает на себя внимание, что законодателем впервые более удачно закреплено понятие «убийство» (ст. 105 УК РФ), позволяющее определить признаки данного посягательства, а также отграничить его от иных составов, сопряженных с посягательствами на жизнь, на здоровье или ставящие его в опасность [43]. Принципиальное решение законодателя, отличающее современное регулирование в данной сфере от правового регулирования, содержавшегося в нормах-предшественницах, состоит в непризнании

возможности неосторожного убийства, что вытекает как из ст. 105 УК РФ, так и из ст. 109 УК РФ, которая предусматривает ответственность за случаи причинения смерти при неосторожном поведении.

Стоит отметить, что легальное определение убийства имеет определенные отличия от доктринальных, которыми в достаточно большом объеме изобилует научная литература. Систематизируя точки зрения специалистов, можно указать, что в числе признаков, свидетельствующих о наличии именно убийства, называется противоправность (неправомерность либо уголовная противоправность) при причинении смерти [25].

Несмотря на отсутствие такого указания в норме закона, стоит признать, что установление данного признака позволяет отграничить убийство от иных случаев причинения смерти. В качестве примера можно привести причинение смерти в случае необходимой обороны лица, что признается при соблюдении условий правомерности, закрепленных законодательно (ст. 37 УК РФ), допустимым по закону поведением и не влечет уголовной ответственности [52]. В этой связи стоит поддержать позицию Л.Д. Гаухмана и М.П. Журавлева, указывающих на то, что отмеченный признак требуется включить в определение убийства [5]. Кроме того, возможно, стоит обратить внимание на формулировку, использованную законодателем при описании нормы: он говорит о том, что убийством является причинение смерти. В отличие от нашего, к примеру, законодательство Беларуси (ст. 139 УК РБ) говорит о лишении жизни [53]. Представляется, что позиция белорусского законодателя является более правильной, поскольку фактически действия виновного направлены именно на прекращение процессов, сопровождающих жизнь, тогда как наступление смерти – это уже следствие. Поэтому, на наш взгляд, есть основания для внесения изменений в формулировку дефиниции, содержащуюся в ч. 1 ст. 105 УК РФ, где следует закрепить следующее определение: «убийство, то есть умышленное противоправное лишение жизни другого человека ...» – далее по тексту нормы.

В источниках также указывается на то, что определение убийства должно быть дополнено указанием на то, что по ст. 105 УК РФ наказывается именно убийство частного лица, которое выступает основным объектом посягательства, в отличие от случаев убийства государственных или иных деятелей, чья жизнь охраняется иными нормами. А.И. Коробеевым дается такое определение рассматриваемому термину: «Противоправное умышленное посягательство на жизнь другого человека как частного лица, выразившееся в причинении ему смерти» [46]. Между тем, указанное дополнение является излишним, поскольку при наличии указанных признаков даже без специального указания по общим правилам квалификации будет применяться специальная норма. Кроме того, представляется, что особенности такого объекта, как жизнь, и его отличие от объекта «здоровье», дают основания для выделения составов посягательств на здоровье в отдельную главу. Указанная позиция уже озвучивалась в литературе, ее стоит поддержать [1]. В связи с этим, мы предлагаем составы посягательств на жизнь и на здоровье разделить по разным главам УК РФ, выделив отдельную гл. 16.1 «Преступления против здоровья».

Глава 2 Парадигмы уголовно-правовой характеристики простого убийства

2.1 Объективные признаки умышленного причинения смерти другому человеку

Как следует из положений действующего отечественного законодательства, в качестве объекта посягательства при совершении убийства выступает жизнь другого человека. Следовательно, как уже ранее кратко обращалось внимание, на момент посягательства пострадавшее лицо должно обладать признаками жизненности, то есть быть живым. В том случае, если признаки жизни у лица на момент совершения в отношении него преступления отсутствуют, то и говорить об убийстве неправомерно, действия лица, если к тому есть основания, должны быть квалифицированы по составу надругательства над телом умершего по ст. 244 УК РФ. Если вопрос о наличии у лица признака жизненности в момент преступления применительно ко взрослому лицу не вызывает особых сложностей, то в том случае, когда посягательству подвергается новорожденный человек, возможны отдельные сложности, вытекающие из того, какой именно момент должен признаваться моментом начала жизни. Анализируя научную литературу по данному вопросу, можно прийти к выводу, что большинством исследователей разделяется позиция о том, что начало жизни необходимо связывать с моментом начала физиологических родов [12].

В качестве обоснования такого мнения приводятся отдельные тезисы, между тем, в этой позиции есть некоторые недостатки, сводящиеся к следующему:

- ранее, чем начался самостоятельный процесс дыхания у ребенка, нельзя говорить о том, что рожденный плод способен к самостоятельной жизнедеятельности. Такая уверенность появляется

только после того, как в легкие ребенка поступит воздух, они покажут работоспособность;

- после начала родов организм ребенка продолжает находиться в связи с организмом мамы, пока не перерезана пуповина, через которую к ребенку поступает кислород и питание, а также выводится углекислота. По этой причине, даже в момент начала физиологических родов ребенок находится в связи и зависимости от матери, а потому не получает возможность продемонстрировать свою жизнеспособность;
- сторонниками рассматриваемой точки зрения недостаточно определенно называется момент собственно начала таких родов, как следствие, пространно определяется и сам момент начала жизни. Если опираться на медицинскую литературу, то можно увидеть, что сам по себе момент начала физиологического акта родов связывается с регулярными схватками, при этом сам ребенок в данный момент продолжает оставаться в утробе матери, ввиду чего едва ли правомерно считать этот момент началом жизни.

Следует обратить внимание на положения Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» («Медицинские критерии рождения, в том числе сроки беременности, масса тела ребенка при рождении и признаки живорождения, а также порядок выдачи документа о рождении и его форма утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти») [55], в соответствии с предписаниями которого Приказом Минздравсоцразвития России «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи» регламентированы Медицинские критерии, по которым определяется рождение [41].

В соответствии с нормами указанного законодательного и подзаконного актов, в качестве живорождения назван момент полного изгнания либо извлечения, отделения плода от организма матери, причем

продолжительность срока беременности на данный процесс не влияет, значимо именно то, что плодом после такого изгнания подаются признаки жизни: прощупывается сердцебиение, наличествует пульсация пуповины либо выявляется произвольное движение мускулатуры, вне зависимости от того, перерезали ли уже пуповину, и произошло ли отделение плаценты. Следовательно, как можно увидеть, для законодателя и правоприменителя определяющим является четкое различие между плодом и между родившимся человеком.

Из приведенных норм можно сделать вывод, что правильнее моментом начала жизни признавать отделение ребенка от матери при начале им самостоятельного дыхания.

Вторым определяющим моментом для убийства является момент смерти. Под ней принято понимать состояние, характеризующееся необратимой гибелью человеческого организма, сопровождающейся остановкой сердечной активности, пульсации, дыханий, остановкой функций ЦНС.

То есть смертью признается именно система показателей. В этой связи стоит сказать, что исключительно остановка дыхания и сердечного биения не является признаком, однозначно свидетельствующим о наступлении смерти у человека. Современные медицинские исследования показывают, что в пределах от 5 до 7 минут после остановки дыхания и сердцебиения организм человека продолжает существовать нормально, лишь, после чего начинаются необратимые процессы в рамках коры головного мозга и ЦНС. Такие изменения приводят к необратимым последствиям в виде смерти. Указанный период между смертью биологической и остановкой жизненных процессов именуется клинической смертью, в период которой существует возможность реанимировать человека и вернуть его к жизни.

Следовательно, моментом смерти необходимо признавать именно наступление биологической смерти организма, пострадавшего от посягательства человека [48].

Переходя к характеристике объективной стороны убийства, отметим, что оно представляет собой посягательство с материальным составом, ввиду чего в его структуре необходимо выделить три самостоятельных обязательных элемента:

- общественно опасное деяние (действие либо бездействие);
- общественно опасное последствие (в виде наступления смерти);
- причинная связь между первым и вторым (смерть наступила именно в результате данного деяния).

Представляется необходимым рассмотреть указанные признаки состава убийства более подробно.

В соответствии с общей теорией уголовного права, общественно опасное посягательство – деяние – может выражаться либо в форме действий, совершаемых преступником, либо в форме его бездействия.

Действиями является активная поведенческая реакция, сопровождающаяся телодвижениями и изменениями внешней среды. Бездействие же, напротив, выражается в том, что лицо не совершает каких-либо телодвижений, воздерживаясь от таковых. В свою очередь, бездействие подразделяется на «чистое» и «смешанное».

«Чистым» бездействием в уголовно-правовой литературе предлагается считать бездействие, которое «заключается в том, что субъект вообще не выполняет возложенную на него обязанность», а к «смешанному» – бездействию, при котором «обязанности выполняются, но лишь частично, не в полной мере и не должным образом» [51]. На наш взгляд, подобное толкование названных понятий является неправильными и не соответствующим уголовному закону.

Представляется, что более правильное толкование предложено А.К. Романовым, который в своем исследовании пришел к выводу, что «в целом подразделение бездействия на «чистое» и «смешанное» находит подтверждение в нормах действующего законодательства. Так, «в ст. 124 («Неоказание помощи больному»), ст. 125 («Оставление в опасности») УК

РФ уголовная ответственность устанавливается за преступление, совершаемое «чистым» бездействием». В то же время такие преступления, как убийство (ст. ст. 105-108 УК РФ), причинение смерти по неосторожности (ст. 109), а также причинение вреда здоровью (ст. ст. 111-115 УК) и др., могут быть совершены только «смешанным» бездействием» [42].

«Чистое» бездействие можно определить в качестве упущения (*delictum omissionis*). Оно исчерпывается совершением бездействия преступника, получая выражение в виде неисполнения тех обязанностей, которые лежали на данном лице. Следовательно, в случае с «чистым» бездействием уголовная ответственность наступает не в связи с объемом исполнения обязанностей, а с упущениями обязанного лица в отсутствие непосредственной причинно-следственной связи его бездействия с преступными последствиями. Что касается «смешанного» бездействия (*delictum comissionis per omissionem*), то под ним необходимо понимать бездействие, при котором лицо не просто не препятствует наступлению определенных последствий, но и само создает условия для того, чтобы таковые смогли реализоваться. Вследствие этого преступление, совершенное при «смешанном» бездействии, в соответствии с требованиями закона получает иную квалификационную оценку, чем преступление, совершенное при «чистом» бездействии. Таким образом, можно утверждать, что «смешанное» бездействие создает инкриминируемые виновному лицу последствия, тогда как «чистое» – лишь не предупреждает такие последствия.

Между тем, как показало проведенное исследование приговоров, случаи совершения убийства путем бездействия являются крайне редкими и практически не встречаются.

Стоит признать, что убийства традиционно совершаются наиболее часто именно посредством действий, когда преступник отказывает активное физическое воздействие на организм пострадавшего, его отдельные органы или части либо на осуществление им отдельных функций организма. Причем

сами действия могут не непосредственно лишать жизни человека, а приводить в действие какие-либо силы и провоцировать какие-либо явления, в результате которых и происходит лишение жизни лица.

К примеру, как следует из приговора Самарского областного суда, Шустов Е.Б. пришёл в магазин, в котором работал такелажником. Там находилась потерпевшая Арапкина. В это время у Шустова возник умысел на убийство потерпевшей Арапкиной, с целью завладения денежными средствами, находящимися в сейфе в помещении магазина. С этой целью Шустов взял в подсобном помещении магазина нож, подошел сзади к сидевшей за прилавком в торговом помещении потерпевшей Арапкиной, и с целью лишения ее жизни нанес последней ножом несколько ударов. От указанного тяжкого, опасного для жизни, вреда здоровью последовала смерть потерпевшей на месте. Кроме того, Шустов, подавляя сопротивление, причинил повреждения, не причинившие вреда здоровью, и ранение, повлекшие легкий вред здоровью по признаку кратковременности расстройства здоровья. После совершения указанных действий Шустов из корыстных побуждений незаконно завладел чужими денежными средствами, принадлежащими потерпевшей Боевой, которые находились в металлическом сейфе, после чего скрылся с места происшествия и распорядился похищенным по своему усмотрению [38].

Следовательно, как можно увидеть, в данном случае лишение жизни производилось посредством физического воздействия ножом на тело пострадавшей и причинения телесных повреждений, приведших к смерти человека.

В другом примере, по приговору в отношении Чёнкина установлено, что 19 мая 2019 года между 19 и 20 часами, Чёнкин и Олейник и Эдуардов, совместно распивали спиртные напитки. В ходе распития спиртного к вышеуказанным лицам подошли несовершеннолетние Кристи и Шадров, от которых Олейник потребовал, чтобы те подрались между собой, на что Чёнкин возразил ему и заступился за указанных несовершеннолетних,

вследствие чего между ними возникла ссора, в результате которой, из-за возникших личных неприязненных отношений, у последнего возник преступный умысел на причинение смерти Олейника.

Для реализации своего преступного умысла, направленного на причинение смерти Олейнику, в тот же день 19 мая 2019 года около 20 часов, Чёнкин из-за внезапно возникших, личных неприязненных отношений, вследствие вышеуказанной ссоры, умышленно нанес кулаком удар по лицу Олейнику, повалил его на землю и начал душить руками, от чего последний перестал сопротивляться, затем, схватил неустановленную в ходе предварительного следствия веревку, один конец которой завязал вокруг шеи Олейника, а другой привязал к задней части своего автомобиля, и, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя неизбежность наступления смерти Олейник и желая этого, с целью причинения смерти, лично управляя данным автомобилем, потащил на скорости движения автомобиля привязанного за шею Олейника по грунтовой дороге, удавил органы шеи петлей, в результате чего смерть наступила от механической асфиксии [33].

Следовательно, как видно из данного примера, лишение жизни производилось посредством удушения.

В другом примере, как следует из приговора, 12 мая 2019 года с 18 по 19 часов на стоянке Андреев с Денисовым стал ссориться и драться, и в ходе драки получил ожог на левом предплечье, степень тяжести которого определить не представилось возможным. Затем Андреев умышленно произвел из неустановленного в ходе следствия ружья два прицельных выстрела в Денисова, причинив ему сквозное пулевое огнестрельное ранение на переднебоковой поверхности живота справа и сквозное пулевое огнестрельное ранение в левой поясничной области, причинившие как по отдельности, так и в совокупности тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни, от которых Денисов скончался на месте [39].

Анализируя судебную практику, можно отметить, что в некоторых случаях обнаруживаются сложности в квалификации тех ситуаций, когда виновное лицо причиняет пострадавшему множественные повреждения, относящиеся к различной степени тяжести, а уже после этого происходит лишение жизни, повлекшее смерть.

На этот счет в настоящее время сформировалась практика о том, что если действия были начаты как менее тяжкое посягательство, но в последующем переросли в убийство, то вменять необходимо состав о более тяжком преступлении с более строгой санкцией, тогда как остальные повреждения данной квалификацией будут поглощены и дополнительно вменяться не будут [30]. В материалах собственного исследования приговоров, по Самарской области подобных примеров обнаружено не было.

Помимо сказанного, теорией уголовного права подтверждается, что воздействие при убийстве может носить не только характер физического, но и психического, в результате чего они приобретают самые разнообразные формы.

В частности, это может осуществляться за счет непосредственного психического воздействия на потерпевшего, которое способно вызвать болезненные расстройства и смерть, главным образом у лиц с заболеванием сердца и сосудистой системы либо возрастных людей. Кроме того, сильный испуг также может вызвать остановку сердца и смерть. При подобных ситуациях, непосредственного физического воздействия на тело погибшего не происходит.

К психическому воздействию относится и подговор на совершение убийства другого лица, к примеру, малолетнего либо иного лица, не способного осознать характер своих действий и руководить ими, – посредственное причинение, в результате чего уголовной ответственности подлежит именно то лицо, которое спланировало и реализовало посягательство таким образом.

Следовательно, как можно заметить, действия лица, в результате которых происходит лишение жизни человека, являются чрезвычайно разнообразными.

Что касается преступного последствия, то таковым в соответствии с позицией законодателя во всех случаях выступает смерть человека, если же данное последствие не наступило, то деяние может представлять собой лишь покушение на данное посягательство – на убийство.

И, наконец, в качестве еще одного признака объективной стороны убийства называют причинную связь между совершенным деянием виновного лица по лишению жизни пострадавшего и наступившей смертью человека.

Таким образом, на основе материалов правоприменительной практики установлено, что деяние при убийстве приобретает самые разнообразные формы, однако, преимущественно, выражается в форме действия, влекущего лишение организма жизненно важных органов, прекращение жизненно значимых функций, что имеет своим неизбежным последствием наступление смерти человека.

2.2 Субъективные признаки умышленного причинения смерти другому человеку

Теорией уголовного права признано, что в качестве субъекта посягательства необходимо рассматривать, по общему правилу, то лицо, чьими действиями или бездействием выполнено общественно опасное посягательство, которое отвечает признакам, закрепленным в УК РФ, и способно понести наказание за такие деяния.

В целом, характеристика субъекта преступления как неотъемлемого элемента состава преступления является достаточно подробно разработанной и не вызывающей значительное количество споров.

Из многочисленных свойств личности преступника закон выделяет такие, которые свидетельствуют о его способности нести уголовную ответственность. Именно они характеризуют субъект преступления.

В УК РФ эти признаки выделены в самостоятельную главу 4 «Лица, подлежащие уголовной ответственности». В статье 19 УК РФ закреплены общие условия уголовной ответственности: «Уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом».

Это первое в российском уголовном законодательстве определение субъекта преступления. Ранее, в УК РСФСР 1960 г., не говорилось прямо о том, что субъектом преступления может быть только физическое лицо, этот признак давался доктриной уголовного права и выводился из закона путем систематического толкования [56].

В статьях 20 и 21 УК РФ уточнена редакция статей о возрасте и невменяемости и введена норма об уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающем вменяемости (ст. 22 УК РФ).

Уголовное право связывает уголовную ответственность со способностью человека осознавать свои действия и руководить ими. Отсюда уголовно-правовое значение, в первую очередь, имеют такие качества личности, в которых выражается эта способность. Именно они названы в ст. 19 УК РФ в качестве общих условий уголовной ответственности.

Из норм УК РФ следует, что оказаться субъектом убийства может только лицо физическое и вменяемое, которое при этом также достигло возраста, указанного законодателем в качестве минимального. Вменяемость теорией уголовного права принято определять, как способность отдельных лиц осознавать общественно опасный характер собственных действий, а также руководить ими. Вменяемость представляет собой законную предпосылку вины и необходимое условие уголовной ответственности.

В соответствии со ст. 21 УК РФ, не может быть привлечено к уголовной ответственности такое лицо, которое в процессе совершения

общественно опасного деяния, пребывало в состоянии невменяемости; это предполагает, что такое лицо было способно осознавать фактический характер, а также общественную опасность собственных действий (бездействия) или руководить ими. Причиной такового по прямому указанию законодателя может стать хроническое психическое расстройство, временное психическое расстройство, слабоумие или иное болезненное состояние психики человека.

Лицо, которое находилось в состоянии невменяемости, не признается по закону субъектом преступления и потому не может быть привлечено к уголовной ответственности. Если такие лица совершили убийство, то к ним судом могут применяться принудительно меры медицинского характера.

Что касается возраста, то за убийство ответственность наступает с 14 лет. Установление именно такого возрастного предела по положениям УК РФ является исключением из общего правила на этот счет, в соответствии с которым уголовная ответственность наступает для лиц, которые достигли 16 лет. Снижая возраст уголовной ответственности, на наш взгляд, законодатель принимает во внимание то, что данное преступление обладает такой общественной опасностью, которого является понятной и ясной любому подростку в таком возрасте.

Совершением виновным данного посягательства причиняется вред такому благу, которым это лицо обладает само, и в связи с этим имеет возможность на собственном опыте осознавать опасность собственных действий, а также то, каков характер вреда и какие последствия наступают от этих действий в результате их совершения.

Законодателем учитывается и то обстоятельство, что к 14-ти годам у ребенка уже сформирован начальный уровень взглядов, а также моральных и нравственных устоев личности, что дает ему возможность осознавать вышеуказанные обстоятельства. Потому, на наш взгляд, такое решение законодателя необходимо назвать социально приемлемым и обоснованным.

В диспозиции ст. 105 УК РФ названы еще и отдельные признаки субъекта, влияющие на квалификацию этого преступления.

Таким образом, все перечисленные признаки вполне охватывают характеристику субъекта как лица, совершившего общественно опасное деяние и могущего нести за него уголовную ответственность. Только их совокупность позволяет признать лицо в качестве субъекта такого преступного деяния как убийство.

Как показывает анализ материалов судебной практики, наиболее распространены случаи совершения убийств между родственниками либо ранее достаточно длительное время знакомыми лицами.

Так, из приговора следует, что Андреев Алексей осужден за то, что в сарае, расположенном на огороде дома, между находившимися в состоянии алкогольного опьянения ним и его женой Алёной, возникла ссора из-за того, что она стала ревновать его к другой женщине, и ударила ладонью в его лицо. В связи с этим у Алексея возникла личная неприязнь к Алёне, находившейся в состоянии беременности сроком 22,4 недели, на почве чего у него возник умысел на причинение ей смерти. При этом о беременности Алёны ему было известно от нее самой ранее, в мае 2019 года. С этой целью, в то же время и в том же месте, Алексей нанес в лицо Алёне не менее десяти ударов, причинив ей повреждения, которые расцениваются как повреждения, не причинившие вред здоровью. После этого Алексей схватил руками за шею потерпевшей вместе с воротником ее куртки и сдавил ее шею, умышленно причинив смерть заведомо для него беременной Алёны, которая наступила от механической асфиксии вследствие сдавления органов шеи [37].

Субъективная сторона любого преступления также предполагает ряд важных признаков, среди которых особое место, как представляется, должно отводиться именно вине. Способность управлять собой и влиять на объекты внешней природы человек приобретает благодаря своему социальному опыту и наличию свободы воли. Юридическая ответственность возможна только в

случае, если совершенное деяние, причинившее вред общественным отношениям, было внешним проявлением сознания и воли лица, выражением его субъективных намерений, желаний и интересов. Как уголовно-правовое явление (как психическое отношение к совершаемому общественно опасному деянию) вина возникает и проявляется в момент совершения преступления. Стоит согласиться с точкой зрения, что мотивы и цели преступления, не входя в содержание вины, формируют такое психическое отношение лица к деянию и его последствиям, в котором проявляется сущность вины [3; 58].

Вина характеризуется двумя слагаемыми элементами: интеллектуальным и волевым.

Интеллектуальный элемент вины включает осознание или возможность осознания всех юридически значимых свойств совершаемого деяния (особенностей объекта, предмета посягательства, действия или бездействия, характера и тяжести вредных последствий и др.).

Под волевым элементом понимается отношение воли данного субъекта к последующим вредным изменениям в реальной действительности в результате совершения им преступного посягательства.

Различные предусмотренные законом сочетания интеллектуального и волевого элементов образуют две формы вины – умысел и неосторожность, описанные законодателем в текстах ст. 25 и 26 УК РФ, являющихся видовыми понятиями относительно более общего понятия «вина». Признание лица виновным в инкриминируемом деянии предполагает установление того, что такое деяние было совершено с умыслом либо при неосторожном поведении [10; 49].

Как следует из решения законодателя, преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления.

Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично.

Субъективная сторона убийства предполагает умышленную форму вины (прямой или косвенный умысел), когда виновное лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало или сознательно допускало эти последствия, или относилось к ним безразлично [21].

В частности, к примеру, как следует из приговора, в ночь в период времени между 23 часами и 01 часом в салоне автомобиля А.Б., Ш.В., Б, Д и Г распивали спиртные напитки. В ходе распития спиртных напитков А.Б. и Ш.В. начали предъявлять Б претензии по поводу того, что тот в 2016 году не оказал содействия Ш.В. при задержании сотрудниками полиции, вследствие чего между А.Б. и Ш.В. с одной стороны и Б с другой началась ссора. В ходе ссоры А.Б. и Ш.В. на почве личных неприязненных отношений решили причинить смерть Б. С этой целью А.Б. своим ножом нанес тому множественные удары в область грудной клетки и плеча потерпевшего, а Ш.В. имевшимся при себе ножом нанес тому множественные удары в область грудной клетки и плеча. В результате совместных действий А.Б. и Ш.В. потерпевшему Б причинены проникающие колото-резаные ранения, осложнившиеся обильной кровопотерей, повлекшие тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни, в результате чего наступила его смерть [8; 36].

Из данного примера видно, что преступники совместными действиями умышленно наносили потерпевшему телесные повреждения ножом, имея прямой умысел на его убийство. Лицо, имевшее умысел на убийство определенного лица, по ошибке убившее другое лицо, несет ответственность

за убийство, поскольку ошибка субъекта преступления относительно фактических обстоятельств, не относящихся, помимо его воли, к составу данного преступления, не оказывает влияния на форму вины [22]. Такая ошибка не устраняет умышленной вины, так как для наличия умысла при убийстве необходимо предвидение, что от совершаемых действий может последовать смерть человека [28].

Особого внимания при квалификации этого деяния заслуживает вопрос об отграничении убийства с косвенным умыслом от неосторожного причинения смерти [20], а также от случаев причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть [29]. Правильная уголовно-правовая оценка убийства предполагает точное установление факультативных признаков субъективной стороны. Верховный Суд РФ указывает, что тезис о возможности совершения убийства безмотивно противоречит требованиям закона [32], а содержание мотива и цели является одним из критериев дифференциации ответственности и индивидуализации наказания.

Суд, разъясняя порядок применения ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 105 УК РФ, отметил, что покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом, то есть когда содеянное свидетельствовало о том, что виновный осознавал общественную опасность своих действий, предвидел возможность или неизбежность наступления смерти другого человека и желал ее наступления, но смертельный исход не наступил по не зависящим от него обстоятельствам. По мнению суда, при решении вопроса о направленности умысла виновного следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений, а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения. При наличии у лица косвенного умысла на причинение вредных последствий в случае их не наступления по не

зависящим от этого лица обстоятельствам содеянное квалифицируется как оконченное преступление по фактически наступившим последствиям [31].

По мнению суда, в случае применения ч. 1 ст. 105 УК РФ об умысле осужденного на лишение жизни потерпевшего свидетельствовало то обстоятельство, что он, нанося удары колюще-режущим предметом поражающего свойства – ножом – в жизненно-важные части тела, осознавал общественно-опасный характер действий, предвидел общественно-опасные последствия, тот факт, что может причинить потерпевшему телесные повреждения, не совместимые с жизнью, и желал наступления этих последствий. Об умысле на убийство также свидетельствовал способ совершения преступления – применение ножа и локализация ранений [26].

Например, как следует из приговора, Сат У.Х. осуждена за то, что 17 июля 2017 года в период времени между 19 и 22 часами супруги Сат У.Х. и Э. распивали спиртные напитки с С. Когда спиртное закончилось, Э. стал требовать у Сат У.Х. купить еще спиртные напитки, на что она отказала. Тогда Э. стал высказывать Сат У.Х. претензии, требовать спиртные напитки, и между ними возникла ссора, в ходе которой Э. стал наносить руками и ногами удары по разным частям тела Сат У.Х., причинив ей ссадины, ушибы и кровоподтеки, которые не расцениваются вредом здоровью. Между 22 и 23 часами домой пришел несовершеннолетний сын С2., который увидев плачущую мать, стал заступаться за нее, он потребовал от отца прекратить противоправные действия в отношении матери. Тогда Э. переключился на сына, стал предлагать ему подраться, он схватил его за одежду в области груди, пытался его ударить, С2. оттолкнул отца от себя, отчего последний упал на землю. Сат У.Х. и С2. выбежали за ограду. Сат У.Х. осталась прятаться в палисаднике соседей, а С2. побежал за родственниками, не застав родственников дома С2., вернулся к дому. Сат У.Х. и С2. направились в дом. Когда они зашли домой, Э. сидел на кровати, которая стоит на веранде, несовершеннолетний С2. зашел в дом. Э., увидев супругу, продолжил оскорблять ее, стал высказывать ей претензии, выражаться нецензурной

бранью, затем нанес ей удар по ноге, схватив за одежду в области груди, прижал к дверям кладовки, в это время из дома выбежал С2., разняв родителей, он втолкнул маму в дом, сам стал просить Э. успокоится, лечь спать, на что Э. вышел на улицу. Затем Э. зашел на веранду с камнем в руках, он пытался ударить сына камнем, но С2. отбил камень из рук отца, тогда Э. применив борцовский прием, повалил сына на пол веранды, сел сверху С2. и замахнулся рукой, в которой держал камень, в это время Сат У.Х., увидев, как Э. сидит на сыне, держа в руках камень, испугавшись за жизнь несовершеннолетнего сына, подумав, что Э., может покалечить ее единственного сына, предвидя явное несоответствие средств защиты нападению, степень и характер опасности, угрожавшей ее сыну, осознавая, что силы и возможности по отражению посягательства не соответствуют ее действиям и явно выходят за рамки необходимой обороны, взяв со стола нож, нанесла им несколько ударов в спину Э., когда он повернулся Сат У.Х. нанесла еще один удар в грудную клетку Э., причинив ему слепое колото-резаное ранение на задней поверхности грудной клетки слева, в средней трети межлопаточного пространства; одиночное проникающее колото-резаное ранение на задней поверхности грудной клетки справа на уровне остистого отростка десятого грудного позвонка по позвоночной линии с повреждением нижней доли правого легкого; одиночное проникающее колото-резаное ранение на задней поверхности грудной клетки слева на уровне остистого отростка 10 грудного позвонка по позвоночной линии с повреждением нижней доли левого легкого, одиночное проникающее колото-резаное ранение на передней поверхности грудной клетки слева с повреждением верхней доли правого легкого, которые как в совокупности, так и каждый в отдельности, является тяжким вредом здоровью, по признаку опасности для жизни, повлекшие смерть потерпевшего Э. [34].

Из сказанного следует, что локализация повреждений, их количество и применяемое оружие прямо указывают на то, что у женщины имел место прямой умысел на убийство.

Основной состав – ч. 1 ст. 105, 106, квалифицированный состав – ч. 2 ст. 105 и привилегированные составы – ст. 106, 107, 108 УК РФ с субъективной стороны предполагают умышленную форму вины, умысел при этом может быть как прямой, так и косвенный. В первом случае речь идет об осознании виновным факта посягательства на жизнь другого человека, предвидении реальной возможности или неизбежности наступления смерти в результате его действий и желании наступления этого преступного результата [50].

При косвенном умысле виновный осознает, что ставит в опасное состояние жизнь другого человека, предвидит, что в результате этого может наступить смерть. Таким образом, форма вины наряду с иными факторами характеризует общественную опасность преступления.

Мотив преступного деяния наряду с виной играет важную роль в субъективной стороне убийства. При этом мотивация совершения убийств различна: личная неприязнь, корысть, хулиганские побуждения, ревность, мотив уничтожения человека или господства над ним. Инструментальная мотивация как средство устрашения, подавления для достижения цели, характерно для многих насильственных преступлений, в т.ч. у которых мотив лишения жизни не был основным [25; 44].

«Мечь – это намеренное причинение зла, неприятностей с целью возмещения унижения и оскорбления, нанесенных в прошлом» [7, с. 235]. Поэтому поводом для мести как мотива убийства могут быть самые различные поступки убитого.

Также к простому убийству относят лишение жизни из ревности. «Ревность – это страстная недоверчивость, мучительное сомнение в чьей-либо верности, любви и преданности» [7, с. 239].

Специалисты справедливо замечают, что чувство ревности не является низменным побуждением, но у отдельных лиц оно перерастает в озлобление, зависть, ненависть. Фактически убийство из ревности совершается по мотивам мести. Для оконченого состава преступления безразлично, на кого

обрушилась ненависть убийцы. Потерпевшим может быть, как постоянный партнер, так и иное лицо, поведение которого вызвало у виновного чувство ревности, но данное обстоятельство нуждается в тщательной проверке.

Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении «О судебной практике по делам об убийстве» указал, что по делам об убийствах, совершенных на почве ревности, мести и по другим мотивам, необходимо тщательно выяснять все обстоятельства преступления, чтобы квалифицирующие признаки других видов убийств не остались без соответствующей юридической оценки [27].

Из принципа вины, закрепленного законодателем в тексте ст. 5 УК РФ, прямо следует, что на лицо может возлагаться ответственность только в том случае, если в отношении инкриминируемого ему деяния (выполненных действиях и наступивших от них последствиях) выявлена и доказана его вина. Следовательно, российский законодатель разделяет теорию субъективного вменения, отрицая возможность объективного вменения.

Помимо сказанного, значение вины также состоит в том, что ее определение содействует в надлежащей квалификации посягательства, а также отграничении данного уголовно-наказуемого деяния от смежных составов либо от непроступного поведения, либо от административно наказуемого поведения, также она создает почву для индивидуализации уголовной ответственности и уголовно-правовой санкции, подлежащей назначению в данном конкретном случае посягательства. Перечисленные обстоятельства, как мы можем предположить, позволяют провозгласить реализацию в нашей стране заявленных на конституционном уровне принципов справедливости, а также защиты прав граждан вне зависимости от наличия или отсутствия у них каких-либо признаков, свойств или статусов.

Глава 3 Квалификация простого убийства и проблемы назначения наказания за его совершение

3.1 Отграничение простого убийства от смежных составов причинения смерти другому человеку

В настоящее время, как уже было ранее отмечено, в структуре УК РФ выделено несколько составов убийств, в которых отдельным признакам придана сила смягчающего фактора, в результате наличия которого санкция уголовно-правовой нормы становится значительно ниже даже простого убийства, в частности, по причине меньшей общественной опасности посягательства или посягателя.

Например, одной из таких норм является состав убийства матерью новорожденного ребенка, закрепленный в ст. 106 УК РФ, который на фоне сложившегося демографического кризиса и упадка института семьи видится особо значимым и важным для исследования.

Социальная обусловленность выделения данного состава связана с особой уязвимостью едва рожденного человека, который взаимодействует с внешней средой во многом благодаря матери и выживает при ее непосредственном содействии и участии, а потому абсолютно не защищен от совершаемых ею деяний [9].

Между тем, законодатель понимает и принимает во внимание также особую ситуацию, в которой оказывается молодая мама, что делает данный состав привилегированным. Эта ситуация связана с особым психофизиологическим состоянием родившей женщины, в которую она попадает во время либо уже по завершении родов.

В частности, законодатель связывает особые условия совершения посягательства, если таковое совершается:

- во время либо непосредственно сразу по завершении родов;

- в условиях психотравмирующей ситуации (обострение отрицательных эмоций, приведших к возникновению аффектированного состояния, влекущего лишение жизни ребенка);
- в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемость.

Самостоятельным значением закон наделяет психотравмирующую ситуацию, которая разыгралась вокруг матери. Таковыми могут стать самые различные социально-бытовые причины, связанные с отказом отца ребенка от признания отцовства, отказом семьи от признания родственных связей с ребенком, отказом родителей женщины предоставить территорию для проживания или денежные средства для обеспечения нужд ребенка, наличие которых воспринимается женщиной как повод для убийства ребенка [23].

Стоит признать справедливым то, что понятие «психотравмирующая ситуация» точно не определено и не имеет четких границ. Оно может быть определено специалистами в каждом конкретном случае, в ходе комплексного исследования конкретной личности, исходя из конкретных обстоятельств совершенного деяния.

Подобной психотравмирующей ситуации может быть место в любой момент до, после либо вовремя родов. Между тем, ее смягчающее значение рассматривается только тогда, когда рожденного ребенка еще можно отнести к разряду новорожденных, что связывается с возрастом в четыре недели. После этого, даже сохранение психотравмирующей ситуации не позволяет квалифицировать деяние по рассматриваемой норме. Деяние автоматически переходит в разряд квалифицированных убийств либо привилегированных убийств, но с иным смягчающим фактором, при установлении его признаков. В частности, поведение матери, вылившееся в убийство, могло стать реакцией на противоправное поведение других людей, спровоцировавших ее на лишение жизни собственного ребенка [15]. Стоит признать, что в источниках приводится множество аргументов в поддержку обоснования поведения детоубийцы аффективной мотивацией [6].

При этом обратим внимание на то, что при сохранении данных жизненных обстоятельств, но более взрослом возрасте ребенка, чем 4 недели, в сущности, аффективное поведение женщины не может быть квалифицировано по привилегированной ст. 107 УК РФ ввиду отсутствия в диспозиции названной статьи указания на рассматриваемую ситуацию как на обстоятельство, которое могло бы породить юридически значимый в данном случае аффект. Следовательно, единственным способом смягчения ответственности для женщины в таком случае является возможность применения обстоятельств, предусмотренных ст. 61 УК РФ.

Между тем, поскольку убийство в данном случае уже будет квалифицированным, которое подлежит наказанию со ссылкой на п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, едва ли на размере наказания существенно скажется наличие данных смягчающих обстоятельств. Но и нельзя признать выходом из ситуации увеличение возраста ребенка, до достижения которого может вменяться рассматриваемая норма.

Поэтому стоит в связи с изложенными обстоятельствами склониться к точке зрения о том, что диспозиция ст. 107 УК РФ должна и может быть реформирована для того, чтобы подобное толкование исключить.

Анализ юридической литературы и опубликованной судебной практики показал, что порой у судов возникают трудности при квалификации убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны, и убийства, совершенного в состоянии аффекта (ст.ст. 107 и 108 УК РФ).

Здесь хотелось бы отметить, что необходимая оборона допускается против насильственного посягательства на личность, и при этом зачастую лицо находится в состоянии сильного душевного волнения.

Однако и при состоянии сильного душевного волнения (аффекта) лицо также может подвергаться насилию или иным противоправным действиям со стороны потерпевшего.

Из сказанного следует, что действительно ряд признаков – насилие как причина возникновения права на необходимую оборону и состояние

сильного душевного волнения (аффекта) – могут совпадать и при необходимой обороне, и при действии в состоянии аффекта.

Статью 108 УК РФ допустимо применять в случаях, когда убийство нападавшего произошло в процессе защиты, отражения посягательства, однако лицо, в отношении которого производится такое посягательство, выбрало явно несоответствующие характеру и опасности посягательства средства и способы защиты.

В случаях же, при которых насильственное посягательство было отражено либо прекратилось и личности ничего не угрожало, что им осознавалось, и убийство правонарушителя совершено в состоянии аффекта в отместку за ранее совершенное посягательство, применять необходимо ст. 107 УК РФ.

Так, было переквалифицировано с ч. 1 ст. 105 на ч. 1 ст. 107 УК РФ убийство, совершенное П. Как было установлено, П. после распития спиртного в доме К. отказалась совершить с ним половой акт. Тогда он затащил ее в спальню и, угрожая ножом, предложил совершить действия сексуального характера. П., боясь К., выполнила его требование, но, поскольку делать этого не хотела и была крайне возмущена и взволнована, взяла со стола нож и нанесла удар К. в живот. Что было дальше, она не помнит. Суд признал, что П. совершила убийство в состоянии сильного душевного волнения, вызванного издевательствами и тяжким оскорблением со стороны К. [35].

Из сказанного можно сделать вывод, что под убийством с превышением пределов необходимой обороны понимается убийство в процессе отражения преступного посягательства, а убийство в состоянии аффекта – это действия в ответ на посягательство, после окончания посягательства, являющиеся ответной реакцией на совершенное посягательство.

Не менее значимым является рассмотрение вопросов отграничения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, от преступления, ответственность за которое установлена в ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Материалы судебной практики свидетельствуют о том, что органы расследования отдельных регионов страны испытывают определенные затруднения в части квалификации действий по рассматриваемым признакам, а потому правоприменительная практика в рассматриваемой области не отличается стабильностью.

В частности, как следует из приговора Томского районного суда Томской области от 16 февраля 2016 года, Петрашук Е.С. обвинялась в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, за то, что она 04.10.2015 в период времени с 18.00 часов до 21.17 часов, находясь в состоянии алкогольного опьянения, действуя умышленно, в ходе ссоры, на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений к Григорьеву, с целью причинения тяжкого вреда здоровью, нанесла Григорьеву один удар ножом в область живота, причинив одиночное проникающее колото-резаное ранение живота слева с повреждением левой общей подвздошной артерии, вызвавшее обильное внутреннее и необильное наружное кровотечение с развитием обильной кровопотери, повлекшее за собой тяжкий вред здоровью человека, как вред, опасный для жизни, создающий непосредственно угрозу жизни и приведший к смерти Григорьеву.

Как следует из текста приговора, в судебном заседании государственный обвинитель в соответствии с п. 3 ч. 8 ст. 246 УПК РФ изменил обвинение путем переквалификации действий Петрашук Е.С. с состава простого убийства на ч. 4 ст. 111 УК РФ, мотивировав тем, что в действиях подсудимой не усматривается умысла на совершение убийства потерпевшего [52; 54].

Принимая во внимание положения ст. 246, 252 УПК РФ, суд согласился с позицией государственного обвинителя и предложенной квалификацией действий подсудимой, поскольку она мотивирована,

улучшает положение, в связи с чем, является для суда обязательной, и потому посчитал необходимым квалифицировать действия Петращук Е.С. по ч. 4 ст. 111 УК РФ [52; 54].

Суд пришел к выводу, что об умысле подсудимой на причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, свидетельствуют характер и локализация телесного повреждения, нанесение удара ножом в жизненно важную часть тела человека – область живота, длина раневого канала. Данные обстоятельства, по мнению суда, исключают в действиях подсудимой признаки иного состава преступления.

При этом суд посчитал, безусловно установленным и доказанным, что между действиями подсудимой и наступлением смерти потерпевшего Григорьева имеется причинная связь, поскольку именно в результате нанесенного Петращук Е.С. ножом в область живота ранения, последовала смерть потерпевшего.

Мотивом совершенного подсудимой преступления, как отметил в приговоре, суд явилось личное неприязненное отношение к ГАМ, возникшее в ходе ссоры.

Перечисленные обстоятельства стали основанием для осуждения Петращук Е.С. по ч. 4 ст. 111 УК РФ, то есть по менее тяжкой статье, чем ей была инкриминирована органами расследования и по которой ей было предъявлено обвинение [40; 46].

Таким образом, необходимо прийти к выводу о том, что правильное определение в деянии признаков состава преступления, является залогом наложения на виновного заслуженного наказания. Завершая исследование, проведенное в настоящем параграфе, хотелось бы заметить, что в целях исключения сложностей, возникающих при квалификации преступления по ст. 105 и ч. 4 ст. 111 УК РФ, в современных исследованиях озвучена точка зрения о том, что актуальным сегодня является отказ от состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК, в связи с тем, что

семантическая трактовка диспозиции данной нормы показывает, что речь идет об убийстве, и никакая «неосторожность» по отношению к смерти со стороны преступника, умышленно причинившего тяжкий, опасный для жизни вред здоровью потерпевшего, в природе существовать не может. Неизбежна борьба с устоявшейся практикой игнорирования косвенного умысла на убийство и подмены его неосторожностью, пересмотр легковесного отношения к оценке жизненно важных органов и другие новеллы, призванные вернуть человеческой жизни значимость важнейшего объекта конституционной охраны [13; 42]. Представляется, что, несмотря на революционность такой позиции, озвученное мнение должно получить дальнейшее развитие и теоретическое обоснование для придания судебной практике в данной сфере стабильного и непротиворечивого характера.

3.2 Аспекты регламентации уголовно-правовых санкций за простое убийство

Очередное ужасающее преступление против жизней десятков людей, произошедшее в г. Керчь Республики Крым 17 октября 2018 года, вновь напомнило мировому сообществу о том, что страх уголовно-правового возмездия, карательная составляющая уголовно-правовой репрессии в связи с совершенным преступным посягательством не способна создать эффективный заслон, препятствующий совершению наиболее тяжких уголовных преступлений. В этой связи, нашей стране необходимо принципиально скорректировать политику наказуемости убийств, особенно массовых, а также иных опасных преступлений, таких как, к примеру, террористические акты, акты геноцида и пр.

Совершенное посягательство и последовавшее за ним самоубийство молодого преступника наводит на мысль о том, что лицо, решившееся на столь жестокое преступление, тщательно спланировавшее, подготовившее его и успешно реализовавшее, совершенно утратило социальную связь с

обществом, в котором оно формировалось как личность, не приемлет установленные в нем нормы и не желает проживать в данном социальном общежитии, выбирая легкий путь смерти.

Кроме данного примера, есть и множество других, демонстрирующих, что лица, столь открыто выражающие протест против уголовно-правовых запретов, зачастую уже не дорожат собственной жизнью, расставаясь с ней самостоятельно либо погибая от рук представителей правоохранительного блока, спасающих заложников, жертв.

Представляется, что в условиях подобных тенденций в правосознании современных преступников есть повод для актуализации вопроса о возвращении в уголовную практику смертной казни как вида уголовного наказания. Сегодня о ней упоминает ст. 59 УК РФ, однако, применение на практике невозможно в силу издания соответствующего указа на тот момент президентом России Б.Н. Ельциным [18].

Необходимо отметить, что на протяжении последних нескольких десятилетий в различных странах мира наблюдается устойчивая тенденция на смягчение законодательства в отношении практики применения смертной казни.

При этом, несмотря на то, что для многих государств вопрос применения смертной казни не стоит, что имеет место и в нашем государстве, где продолжает более 20 лет сохраняться мораторий на применение смертной казни, достаточно много специалистов не без оснований отмечают, что в общественном сознании даже после отмены смертной казни вопрос явно остается открытым, так как трудно отделаться от ощущения, что любой выбор – сохранение или отмена смертной казни – не может быть окончательно правильным. Жестокость преступлений, сообщениями о которых пестрят статьи в газетах и журналах, вынуждает людей, особенно потерявших близких и родных, вновь поднимать вопрос об ужесточении государственной реакции на случаи отдельных преступлений.

Необходимо отметить, что анализ исторических памятников права свидетельствует в пользу того, что со времен образования первых государств и вплоть до принятых в последнее столетие международных правовых актов, заложивших основу для повсеместного отказа от применения данного вида наказания, смертная казнь активно применялась в качестве формы реализации уголовно-правовой ответственности на случай совершения выбранных законодателем посягательств.

Стоит признать, что большинство исследователей, даже высказывающие отрицательные аргументы в целях сохранения существующей практики отказа от применения смертной казни, все же в своих исследованиях приходят к выводу о том, что сила смертной казни при ее применении не достаточна для того, чтобы искоренить преступность, а потому авторы предлагают искать резервы сокращения преступности в других источниках, коими называют «воспитание в людях высоких моральных и нравственных качеств, повышение уровня жизни граждан и истребление в людях правовой неграмотности» [4; 24].

Проанализировав отдельные источники по данному вопросу, хотелось бы высказать свое мнение о том, что вопрос сохранения смертной казни получил уже достаточно подробное теоретическое обоснование, философское осмысление, в результате чего на протяжении не одного столетия авторы высказывали противоположные взгляды на возможность применения данного вида наказания. И сегодня после масштабных по числу жертв преступлений в обществе вновь и вновь поднимается вопрос о ее применении. Так, В. Соловьев призвал вернуть смертную казнь после бойни в Керчи. «Смертную казнь давно пора возвращать» – заявил Соловьев в ходе обсуждения расстрела в политехническом колледже Керчи. По его мнению, введению соответствующего наказания должны предшествовать принципиальные реформы судебной системы. «При более широком внедрении суда присяжных. Должна быть многоэтапность», – пояснил свою

позицию журналист [47]. Данное мнение, как представляется, необходимо поддержать ввиду его обоснованности.

Смертная казнь с точки зрения своей сути призвана защитить общество от наиболее опасных преступных деяний наиболее эффективным из имеющихся правовых способов, который отражает осуждение и полное неприятие обществом правонарушителя как носителя и творца совершенного зла.

В современном обществе выступать за смертную казнь сейчас считается недостойным интеллигентного человека. Думается, что для человека, который выступает за ее применение, который находит философское либо общечеловеческое обоснование для сохранения и правового обоснования смертной казни, нужно много личного и гражданского мужества для того, чтобы об этом открыто заявить.

Но все же, как представляется, современная социально-экономическая и криминальная ситуация свидетельствует в пользу того, что применение смертной казни может и должно быть в нашей стране в ближайшей перспективе возобновлено.

В первую очередь, нужно отметить то, что смертная казнь представляет собой адекватное и справедливое возмездие для преступника со стороны общества, которое должно применяться в качестве наказания за самые тяжкие преступления, такие, как, например, повторное убийство.

Во-вторых, логичным и неизбежным следствием применения к преступнику смертной казни является устрашающее воздействие на всех правопослушных членов общества и в результате – профилактика и предотвращение совершения таких же преступлений другими людьми. Положительным следствием смертной казни общество будет иметь стабильность отношений между своими членами.

В-третьих, смертная казнь оправдана также и гуманными соображениями по отношению к самому преступнику, так как при выборе

способа уголовного наказания избирается менее тяжкий для человека – быстрая смерть.

Четвертое, смертная казнь является благом обществу, так как освобождает его от особо опасных преступников.

Пятое, смертная казнь – это самый простой и дешевый способ избавиться всех честных людей от преступника и его противоправных деяний.

Шестое, расширение практики применения суда присяжных, начавшееся летом 2018 года, свидетельствует в пользу того, что реформирование российской судебной системы происходит полным ходом.

При этом едва ли стоит рассчитывать на то, что человек, ранее осужденный за совершение особо тяжкого преступления против личности, в частности, за убийство, вновь совершивший подобное деяние, может быть исправлен воспитанием у него, к примеру, правовой грамотности. Возможно, в подобных ситуациях стоит ставить во главу угла вопросы сохранения безопасной жизни остальных членов общества.

Потому хотелось бы отметить, что вопрос о снятии моратория на применение смертной казни может и должен быть положительно решен. Между тем, перечень преступлений, за которые данный вид наказания может быть назначен, должен быть пересмотрен и существенно ограничен, а именно он должен включать в себя исключительно лишь те случаи, когда совершается особо тяжкое преступление против жизни человека, против безопасности населения или против человечества лицом, ранее осужденным за совершение преступных посягательств из той же группы.

В подобных случаях стоит признать, что менее строгими видами уголовно-правового воздействия не удастся достичь целей уголовного наказания, а потому есть основания для решения сугубо прагматических задач по сокращению расходов государства и общества на содержание подобных преступников.

Заключение

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. Исходя из краткой характеристики преступлений против жизни установлено, что чрезвычайная распространенность в нашей стране убийств свидетельствует в пользу того вывода, что требуется определенное реформирование законодательства в данной части, что позволит упорядочить правоприменительную практику и разрешить проблемы квалификации, с которым приходится сталкиваться органам расследования и суду.

2. На основе изучения судебной практики относительно предмета исследования, мы пришли к выводу, что легальное определение простого убийства имеет определенные отличия от доктринальных, которыми в достаточно большом объеме изобилует научная литература. В числе признаков, свидетельствующих о наличии именно убийства, не без оснований называется противоправность (неправомерность либо уголовная противоправность) при причинении смерти. Несмотря на отсутствие такого указания в норме закона, стоит признать, что установление данного признака позволяет отграничить простое убийство от иных случаев причинения смерти.

3. Предложено обратить внимание на формулировку, использованную законодателем при описании нормы: он говорит о том, что убийством является причинение смерти. В отличие от нашего законодателя, к примеру, законодатель Беларуси (ст. 139) говорит о лишении жизни.

4. Установлено, что позиция белорусского законодателя является более правильной, поскольку фактически действия виновного направлены именно на прекращение процессов, сопровождающих жизнь, тогда как наступление смерти – это уже следствие.

5. Обосновано, что есть все основания для внесения изменений в формулировку дефиниции, содержащуюся в ч. 1 ст. 105 УК РФ, где следует закрепить следующее определение: «убийство, то есть умышленное

противоправное лишение жизни другого человека...» – далее по тексту нормы.

6. Установлено, что особенности такого объекта, как жизнь, и его отличие от объекта «здоровье», дают основания для выделения составов посягательств на здоровье в отдельную главу. Указанная позиция уже озвучивалась в литературе, ее стоит поддержать. В связи с этим, в работе предложено составы посягательств на жизнь и на здоровье разделить по разным главам УК РФ, выделив отдельную гл. 16.1 «Преступления против здоровья».

7. Предложено реформировать диспозицию ст. 107 УК РФ, расширив ее содержание за счет включения постродового кризиса в число обстоятельств, которые могут спровоцировать аффективное убийство. Для этого необходимо в ч. 1 ст. 107 УК РФ после слов «поведением потерпевшего» добавить «физиологическим состоянием виновного».

8. Проведен анализ современной ситуации вокруг простых убийств, а так же иных особо тяжких преступлений, совершенных лицами, ранее осуждавшимися за особо тяжкие преступления, получен вывод о том, что в нашей стране требуется возврат к проблеме сохранения смертной казни как вида уголовного наказания. В работе указано, что вопрос о снятии моратория на применение смертной казни может и должен быть положительно решен.

Между тем, перечень преступлений, за которые данный вид наказания может быть назначен, должен быть пересмотрен и существенно ограничен, а именно он должен включать в себя исключительно лишь те случаи, когда совершается особо тяжкое преступление против жизни человека, против безопасности населения или против человечества лицом, ранее осужденным за совершение преступных посягательств из той же группы.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Охрана здоровья человека: вопросы законодательной техники и правоприменения // Российский судья. 2015. № 10. С. 20.
2. Алексеева И.С. Особенности уголовно-правовой оценки убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 2 (32). С. 92-95.
3. Архипова М.В., Редькина Е.А., Синьков Д.В., Трикоз Ю.Е. Убийство: уголовно-правовая и криминологическая характеристика // Иркутск, 2008.
4. Бодалева Т.Г. Уголовно-правовая характеристика состава простого убийства // Аллея науки. 2019. Т. 1. № 7 (34). С. 539-544.
5. Гаухман Л.Д., Журавлев М.П. Законотворческие проблемы Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовное право. 2015. № 1. С. 40-43
6. Дядюн К.В. Убийство матерью новорожденного ребенка: вопросы объективной стороны состава // Адвокат. 2013. № 11. С. 15.
7. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М. : Русский язык, 2000
8. Кабурнеев Э.В. Развитие законодательства об ответственности за убийство // Журнал российского права. 2007. № 8. 101.
9. Князев Д.С. Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка и пути их преодоления // Российский следователь. 2010. № 16. С. 17
10. Колокольцева К.А. Уголовно-правовая характеристика простого убийства // Молодой ученый. 2015. № 21 (101). С. 614-617.
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ,

от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 21.07.2014 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.08.2014, в «Собрании законодательства РФ», 04.08.2014, N 31, ст. 4398.

12. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) // М.П. Авдеенкова, А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына и др.; рук. авт. кол. Ю.А. Дмитриев, науч. ред. Ю.И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2013. С. 35. 40

13. Корецкий Д.А., Стешич Е.С. Гомицид: преступления, связанные с убийством // Уголовное право. 2016. № 1. С. 96.

14. Коробеев А.И. Преступления против жизни // Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 3. Преступления против личности / Под ред. проф. А.И. Коробеева. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. С. 65.

15. Красиков А.Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов, 1999. С. 11.

16. Красиков А.Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов, 1999. С. 103.

17. Максименко Н.А. Мнимые архаизмы уголовного права «Русской Правды» // Вестник Европы. 1905. Март-апрель. С. 127.

18. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) : Постановление ВЦИК от 01.06.1922 // СУ РСФСР. 1922. № 15. ст. 153.

19. О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в совет Европы :Указ Президента РФ от 16.05.1996 № 724 // Российская газета. № 94. 21.05.1996.

20. Об изменениях и дополнениях Уголовного кодекса РСФСР : Постановление ВЦИК от 11.11.1922 // СУ РСФСР. 1922. № 72-73. Ст. 906.

21. Определение Военной коллегии Верховного Суда РФ по делу Смирнова и Иванова // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3.
22. Определение Пермского краевого суда от 17.02.2020 по делу № 22-1053-2019 [Электронный ресурс] // Информационно-справочная система «Гарант». Режим доступа: URL:<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/16077345/> (дата обращения 02.04.2020).
23. Определение Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР по делу Шиганова // Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Сост. С.В. Бородин, И.Н. Иванова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 362.
24. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: научно-практическое пособие / Ю.И. Антонов, В.Б. Боровиков, А.В. Галахова и др. ; под ред. А.В. Галаховой. М., 2014. С. 218.
25. Половинкина А.А., Лошкарев А.В. Смертная казнь в современной правовой России // Молодой ученый. 2016. № 27. С. 600.
26. Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. М., 2001. С. 28
27. Постановление Московского городского суда от 17.07.2013 № 4у/6-5008 [Электронный ресурс] // Информационно-справочная система «Гарант». Режим доступа: URL:<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/16493798/> (дата обращения 05.05.2020).
28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 (ред. от 03.03.2015) "О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)" // Первоначальный текст документа опубликован в изданиях "Российская газета", N 24, 09.02.1999.
29. Постановление Президиума Верховного Суда РСФСР по делу Трофимова // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1973. № 11.

30. Постановление Президиума Верховного Суда РФ по делу Эдильханова // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 12.

31. Постановление Президиума Московского городского суда от 27.04.2012 по делу № 44у-144/12 [Электронный ресурс] // Информационно-справочная система «Гарант». Режим доступа: URL:<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/57715642/> (дата обращения 02.05.2020).

32. Постановление президиума Санкт-Петербургского городского суда от 28.08.2013 № 44у-119/13 [Электронный ресурс] // Информационно-справочная система «Гарант». Режим доступа: URL:<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/16534221/> (дата обращения 02.05.2020).

33. Постановление Судебной коллегии Верховного Суда РФ по делу Роговцева // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 11.

34. Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти от 8 февраля 2020 г. по делу № 1-176/2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:<http://sudact.ru/regular/doc/IUd7eV78eJ1g> (дата обращения 25.05.2020).

35. Приговор Дзун-Хемчикского районного суда Республики Тыва от 9 февраля 2018 г. по делу № 1-227/2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Qh1KWMFJ9BUT> (дата обращения 06.05.2020).

36. Приговор районного суда Псковской области по делу П. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 9. С. 13

37. Приговор Самарского областного суда от 13 февраля 2018 г. по делу № 2-12/2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:<http://sudact.ru/regular/doc/0V61YJedP5LX> (дата обращения 05.05.2020).

38. Приговор Самарского областного суда от 20 декабря 2019 г. по делу № 2-14/2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:<http://sudact.ru/regular/doc/Ry4H0TEVcbbv> (дата обращения 01.05.2020).

39. Приговор Самарского областного суда от 20 февраля 2020 г. по делу № 2-20/2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:<http://sudact.ru/regular/doc/ZC7NecUDIjWH> (дата обращения 20.05.2020).

40. Приговор Самарского областного суда от 23 января 2020 г. по делу № 22-1960/2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:<http://sudact.ru/regular/doc/F31SYLY0EILW> (дата обращения 02.05.2020).

41. Приговор Томского районного суда Томской области от 16 февраля 2016 года в отношении Петрашук Е.С. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:<http://sudact.ru/regular/doc/4W016vQrU3WK> (дата обращения: 20.05.2020).

42. Приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 N 1687н (ред. от 13.09.2019) "О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи" (Зарегистрировано в Минюсте России 15.03.2012 N 23490) // Первоначальный текст документа опубликован в издании "Российская газета", N 64, 23.03.2012.

43. Романов А.К. Квалификация преступлений, совершаемых бездействием // Законность. 2016. № 5. С. 39.

44. Садовский В.Н. Основание общей теории систем. М., 1974. С. 83.

45. Селезнёва А.В. Ревность как мотив простого убийства // Студенческий. 2019. № 18-3 (62). С. 53-58.

46. Семеновский Д. Речь о характере уголовного законодательства известнейших древних народов и отечественного - русского, произнесенная в торжественном собрании Ярославского Демидовского лицея 15 января 1845 года. М., 1845. С. 34.

47. Ситникова А.И. Алгоритм и правила квалификации убийств, совершенных без отягчающих и смягчающих признаков (ч. 1 ст. 105 УК РФ) // В сборнике: Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы Сборник научных статей по материалам VII Международной заочной научно-практической конференции. Юго-Западный государственный университет. 2017. С. 287-291.

48. Соловьев призвал вернуть смертную казнь после бойни в Керчи [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:<https://www.mk.ru/politics/2018/10/19/solovev-prizval-vernut-smertnuyu-kazn-posle-boyni-v-kerchi.html> (дата обращения: 20.05.2020).

49. Страмилова Т.П. Уголовная ответственность за простое убийство // диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Москва, 2002.

50. Субалова Ф.Н. Уголовно-правовая характеристика простого убийства // В сборнике: Астраполис: Астраханские политические исследования Астрахань, 2015. С. 161-165.

51. Уголовное право России. Особенная часть. / Под ред. В.П. Ревина. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юстицинформ, 2010. С. 65.

52. Уголовное право. Общая и Особенная части: Учебник / Под ред. В.Ю. Малаховой. М. : Эксмо, 2011. С. 92-93.

53. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Первоначальный текст документа опубликован в издании «Парламентская газета», N 241-242, 22.12.2001.

54. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.11.2019 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414984#pos=10;-54 (дата обращения: 13.05.2020).

55. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) // Первоначальный текст документа опубликован в издании «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

56. Федеральный закон "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" от 21.11.2011 N 323-ФЗ (в редакции от 08.06.2020) // "Собрание законодательства РФ", 28.11.2011, N 48, ст. 6724.

57. Чирков А. Проблемы определения субъекта преступлений коррупционной направленности // Уголовное право. 2013. № 5. С. 112.

58. Шатилович С.Н., Сабитов Р.А., Шарапов и другие. Научные основы квалификации преступлений // Учебник для использования при обучении сотрудников органов внутренних дел по программам высшего образования, дополнительным профессиональным программам, основным программам профессионального обучения / Тюмень, 2015.

59. Яни П. Сложные вопросы субъективной стороны преступления // Российская юстиция. 2002. № 12. С. 47.